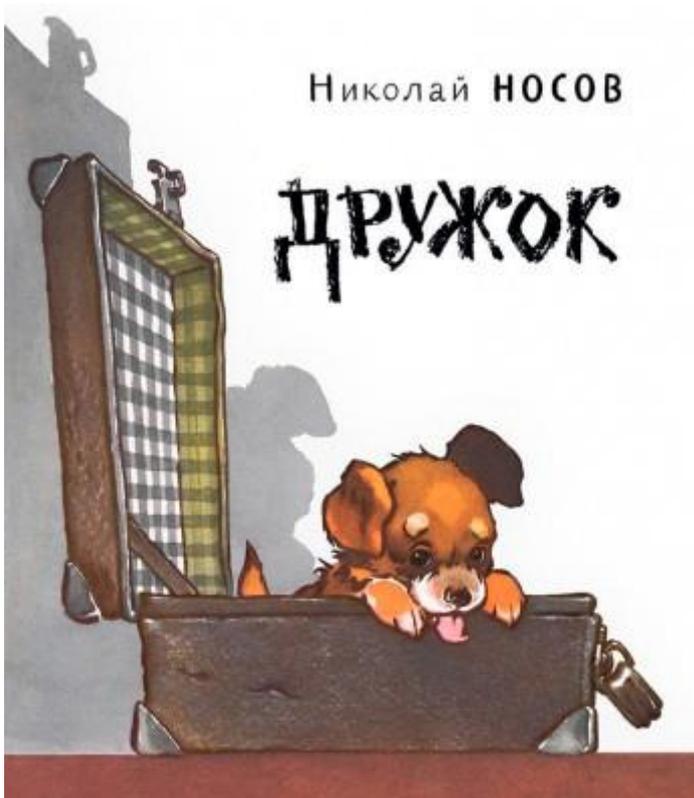

Николай НОСОВ

ДРУЖОК

Замечательно нам с Мишкой жилось на даче! Вот где было раздолье! Делай что хочешь, иди куда хочешь. Можешь в лес за грибами ходить или за ягодами или купаться в реке, а не хочешь купаться — так лови рыбу, и никто тебе слова не скажет. Когда у мамы кончился отпуск и нужно было собираться обратно в город, мы даже загрустили с Мишкой. Тётя Наташа заметила, что мы оба ходим как в воду опущенные, и стала уговаривать маму, чтоб мы с Мишкой остались ещё пожить. Мама согласилась и договорилась с тётей Наташей, чтоб она нас кормила и всякое такое, а сама уехала.

Мы с Мишкой остались у тёти Наташи. А у тёти Наташи была собака Дианка. И вот как раз в тот день, когда мама уехала, Дианка вдруг оценилась: шестерых щенков принесла. Пятеро чёрных с рыжими пятнами и один — совсем рыжий, только одно ухо у него было чёрное. Тётя Наташа увидела щенков и говорит:

— Чистое наказание с этой Дианкой! Каждое лето она щенков приносит! Что с ними делать, не знаю. Придётся их утопить.

Мы с Мишкой говорим:

— Зачем топить? Они ведь тоже хотят жить. Лучше отдать соседям.

— Да соседи не хотят брать, у них своих собак полно, — сказала тётя Наташа. — А мне ведь тоже не надо столько собак.

Мы с Мишкой стали просить:

— Тётечка, не надо их топить! Пусть они подрастут немножечко, а потом мы сами их кому-нибудь отдадим.

Тётя Наташа согласилась, и щеночки остались. Скоро они подросли, стали бегать по двору и лаять: “Тяф! Тяф!” — совсем как настоящие псы. Мы с Мишкой по целым дням играли с ними. Тётя Наташа несколько раз напоминала нам, чтоб мы раздали щенков, но нам было жалко Дианку. Ведь она станет скучать по своим детям, думали мы.

— Зря я вам поверила, — сказала тётя Наташа. — Теперь я вижу, что все щенки останутся у меня. Что я буду делать с такой оравой собак? На них одного корму сколько надо!

Пришлось нам с Мишкой братья за дело. Ну и помучились же мы! Никто не хотел брать щенков. Несколько дней подряд мы таскали их по всему посёлку и насилу пристроили трёх щенков. Ещё двоих мы отнесли в соседнюю деревню. У нас остался один щенок, тот, который был рыжий с чёрным ухом. Нам он больше всех нравился. У него была такая милая морда и очень красивые глаза, такие большие, будто он всё время чему-нибудь удивлялся. Мишка никак не хотел расставаться с этим щенком и написал своей маме такое письмо;

“Милая мамочка! Разреши мне держать щеночка маленького. Он очень красивый, весь рыжий, а ухо чёрное, и я его очень люблю. За это я тебя всегда буду слушаться, и буду хорошо учиться, и щеночка буду учить, чтоб из него выросла хорошая, большая собака”.

Мы назвали щеночка Дружком. Мишка говорил, что купит книжку о том, как дрессировать собак, и будет учить Дружка по книжке.

Прошло несколько дней, а от Мишкиной мамы так и не пришло ответа. То есть пришло письмо, но в нём совсем ничего про Дружка не было. Мишкина мама писала, чтобы мы приезжали домой, потому что она беспокоится, как мы тут живём одни.

Мы с Мишкой в тот же день решили ехать, и он сказал, что повезёт Дружка без разрешения, потому что он ведь не виноват, раз письмо не дошло.

— Как же вы повезёте своего щенка? — спросила тётя Наташа. — Ведь в поезде не разрешают возить собак. Увидит проводник и оштрафует.

— Ничего, — говорит Мишка, — мы его в чемодан спрячем, никто и не увидит.

Мы переложили из Мишкиного чемодана все вещи ко мне в рюкзак, просверлили в чемодане дырки гвоздём, чтоб Дружок в нём не задохнулся, положили туда краюшку хлеба и кусок жареной курицы на случай, если Дружок проголодается, а Дружка посадили в чемодан и пошли с тётей Наташей на станцию.

Всю дорогу Дружок сидел в чемодане молча, и мы были уверены, что довезём его благополучно. На станции тётя Наташа пошла взять нам билеты, а мы решили посмотреть, что делает Дружок. Мишка открыл чемодан. Дружок спокойно лежал на дне и, задрав голову кверху, жмурил глаза от света.

— Молодец Дружок! — радовался Мишка. — Это такой умный пёс!.. Понимает, что мы его везём тайком.

Мы погладили Дружка и закрыли чемодан. Скоро подошёл поезд. Тётя Наташа посадила нас в вагон, и мы попрощались с ней. В вагоне мы выбрали для себя укромное местечко. Одна лавочка была совсем свободна, а напротив сидела старушка и дремала. Больше никого не было. Мишка сунул чемодан под лавку. Поезд тронулся, и мы поехали.

Сначала всё шло хорошо, но на следующей станции стали садиться новые пассажиры. К нам подбежала какая-то длинноногая девчонка с косичками и затрещала, как сорока:

— Тётя Надя! Дядя Федя! Идите сюда! Скорее, скорее, здесь места есть!

Тётя Надя и дядя Федя пробрались к нашей лавочке.

— Сюда, сюда! — трещала девчонка. — Садитесь! Я вот здесь сяду с тётей Надечкой, а дядечка Федечка пусть сядет рядом с мальчиками.

— Не шуми так, Леночка, — сказала тётя Надя. И они вместе сели напротив нас, рядом со старушкой, а дядя Федя сунул свой чемодан под лавку и сел рядом с нами.

— Ой, как хорошо! — захлопала в ладоши Леночка. — С одной стороны три дяденьки сидят, а с другой — три тётеньки.

Мы с Мишкой отвернулись и стали смотреть в окно. Сначала всё было тихо, только колёса постукивали. Потом под лавкой послышался шорох и начало что-то скрестись, словно мышь.

— Это Дружок! — зашептал Мишка. — А что если проводник придёт?

— Ничего, может быть, он и не услышит.

— А если Дружок лаять начнёт? Дружок потихоньку скрёбся, будто хотел проскрести в чемодане дырку.

— Ай, мамочка, мышь! — завизжала эта егоза Леночка и стала поджимать под себя ноги.

— Что ты выдумываешь! — сказала тётя Надя. — Откуда тут мышь?

— А вот послушай! Послушай!

Тут Мишка изо всех сил стал кашлять и толкать чемодан ногой. Дружок на минуту успокоился, потом потихоньку заскулил. Все удивлённо переглянулись, а Мишка поскорей стал тереть по стеклу пальцем так, чтоб стекло визжало. Дядя Федя посмотрел на Мишку строго и сказал:

— Мальчик, перестань! Это на нервы действует. В это время сзади кто-то заиграл на гармошке, и Дружка не стало слышно. Мы обрадовались. Но гармошка скоро утихла.

— Давай будем песни петь! — шепчет Мишка.

— Неудобно, — говорю я.

— Ну, давай громко стихи читать.

— Ну, давай. Начинай.

Из-под лавки раздался писк. Мишка закашлял и поскорее начал стихи:

Травка зеленеет, солнышко блестит,
Ласточка с весною в сени к нам летит.
В вагоне раздался смех. Кто-то сказал:

— На дворе скоро осень, а у нас тут весна начинается! Леночка стала хихикать и говорить:

— Какие мальчишки смешные! То скребутся, как мыши, то по стеклу пальцами скрипят, то стихи читают.

Но Мишка ни на кого не обращал внимания. Когда это стихотворение кончилось, он начал другое и отбивал такт ногами:

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нём сирень.
От черёмухи душистой
И от лип кудрявых тень.

— Ну, вот и лето пришло: сирень, видите ли, распустилась! — шутили пассажиры.
А у Мишки без всякого предупреждения грянула зима:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

А потом почему-то всё пошло шиворот-навыворот и после зимы наступила вдруг осень:
Скучная картина!

Тучи без конца.

Дождик так и льётся,

Лужи у крыльца.

Тут Дружок жалобно завыл в чемодане, и Мишка закричал что было силы:

Что ты рано в гости,

Осень, к нам пришла?

Ещё просит сердце

Света и тепла!

Старушка, которая дремала напротив, проснулась, закивала головой и говорит:

— Верно, деточка, верно! Рано осень к нам пришла. Ещё ребятишкам погулять хочется, погреться на солнышке, а тут осень! Ты, миленький, хорошо стишки говоришь, хорошо!

И она принялась гладить Мишку по голове. Мишка незаметно толкнул меня под лавкой ногой, чтоб я продолжал чтение, а у меня, как нарочно, все стихи выскочили из головы, только одна песня вертелась. Недолго раздумывая, я гаркнул что было силы на манер стихов:

Ах вы сени, мои сени!

Сени новые мои!

Сени новые, кленовые, решётчатые!

Дядя Федя поморщился:

— Вот наказание! Ещё один исполнитель нашёлся! А Леночка надула губки и говорит:

— Фи! Нашёл что читать! Какие-то сени! А я отбарабанил эту песню два раза подряд и принялся за другую:

Сижу за решёткой, в темнице сырой,
Вскормлённый в неволе орёл молодой...

— Вот бы тебя засадить куда-нибудь, чтоб ты не портил людям нервы! — проворчал дядя Федя.

— Ты не волнуйся, — говорила ему тётя Надя. — Ребята стишки повторяют, что тут такого!

Но дядя Федя всё-таки волновался и тёр рукой лоб, будто у него голова болела. Я замолчал, но тут Мишка пришёл на помощь и стал читать с выражением:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звёзды блещут...

— О! — засмеялись в вагоне. — На Украину попал! Куда-то ещё залетит?

На остановке вошли новые пассажиры:

— Ого, да тут стихи читают! Весело будет ехать. А Мишка уже путешествовал по Кавказу:

Кавказ подо мною, один в вышине
Стою над снегами у края стремнины...

Так он объехал чуть ли не весь свет и попал даже на Север. Там он охрип и снова стал толкать меня под лавкой ногой. Я никак не мог припомнить, какие ещё бывают стихи, и опять принялся за песню:

Всю-то я вселенную проехал.

Нигде я милой не нашёл...

Леночка засмеялась:

— А этот всё какие-то песни читает!

— А я виноват, что Мишка все стихи перечитал? — сказал я и принялся за новую песню:

Голова ль ты моя удалая,
Долго ль буду тебя я носить?

— Нет, братец, — проворчал дядя Федя, — если будешь так донимать всех своими стихами, то не сносить тебе головы!

Он опять принялся тереть рукой лоб, потом взял из-под лавки чемодан и вышел на площадку.

...Поезд подходил к городу. Пассажиры зашумели, стали брать свои вещи и толпиться у выхода. Мы тоже схватили чемодан и рюкзак и стали пролезать на площадку. Поезд остановился. Мы вылезли из вагона и пошли домой. В чемодане было тихо.

— Смотри, — сказал Мишка, — когда не надо, так он молчит, а когда надо было молчать, он всю дорогу скулил.

— Надо посмотреть — может, он там задохнулся? — говорю я.

Мишка поставил чемодан на землю, открыл его... и мы остолбенели: Дружка в чемодане не было! Вместо него лежали какие-то книжки, тетради, полотенце, мыло, очки в роговой оправе, вязальные спицы.

— Что это? — говорит Мишка. — Куда же Дружок делся? Тут я понял, в чём дело.

— Стой! — говорю. — Да это ведь не наш чемодан! Мишка посмотрел и говорит:

— Верно! В нашем чемодане были дырки просверлены, и, потом, наш был коричневым, а этот рыжий какой-то. Ах я разиня! Схватил чужой чемодан!

— Бежим скорей обратно, может быть, наш чемодан так и стоит под лавкой, — сказал я.

Прибежали мы на вокзал. Поезд ещё не ушёл. А мы забыли, в каком вагоне ехали. Стали бегать по всем вагонам и заглядывать под лавки. Обыскали весь поезд. Я говорю:

— Наверно, его забрал кто-нибудь.

— Давай ещё раз пройдем по вагонам, — говорит Мишка. Мы ещё раз обыскали все вагоны. Ничего не нашли. Стоим с чужим чемоданом и не знаем, что делать. Тут пришёл проводник и прогнал нас.

— Нечего, — говорит, — по вагонам шнырять! Пошли мы домой. Я зашёл к Мишке, чтобы выгрузить из рюкзака его вещи. Мишкина мама увидела, что он чуть не плачет, и спрашивает:

— Что с тобой?

— Дружок пропал!

— Какой дружок?

— Ну, щенок. Не получала письма разве?

— Нет, не получала.

— Ну вот! А я писал.

Мишка стал рассказывать, какой хороший был Дружок, как мы его везли и как он потерялся. Под конец Мишка расплакался, а я ушёл домой и не знаю, что было дальше.

На другой день Мишка приходит ко мне и говорит:

— Знаешь, теперь выходит — я вор!

— Почему?

— Ну, я ведь чужой чемодан взял.

— Ты ведь по ошибке.

— Вор тоже может сказать, что он по ошибке.

— Тебе ведь никто не говорит, что ты вор.

— Не говорит, а всё-таки совестно. Может быть, тому человеку этот чемодан нужен. Я должен вернуть.

— Да как же ты найдёшь этого человека?

— А я напишу записки, что нашёл чемодан, и расклею по всему городу. Хозяин увидит записку и придёт за своим чемоданом.

— Правильно! — говорю я.

— Давай записки писать. Нарезали мы бумаги и стали писать:

“Мы нашли чемодан в вагоне. Получить у Миши Козлова. Песчаная улица, №8, кв. 3”.

Написали штук двадцать таких записок. Я говорю:

— Давай напишем ещё записки, чтоб нам вернули Дружка. Может быть, наш чемодан тоже кто-нибудь по ошибке взял.

— Наверно, его тот гражданин взял, который с нами в поезде ехал, — сказал Мишка.

Нарезали мы ещё бумаги и стали писать:

“Кто нашёл в чемодане щенка, очень просим вернуть Мише Козлову или написать по адресу: Песчаная улица, № 8, кв.3”.

Написали и этих записок штук двадцать и пошли их по городу расклеивать. Клеили на всех углах, на фонарных столбах... Только записок оказалось мало. Мы вернулись домой и стали ещё записки писать. Писали, писали — вдруг звонок. Мишка побежал открывать. Вошла незнакомая тётенька.

— Вам кого? — спрашивает Мишка.

— Мишу Козлова.

Мишка удивился: откуда она его знает?

— А зачем?

— Я, — говорит, — чемодан потеряла.

— А! — обрадовался Мишка. — Идите сюда. Вот он, ваш чемодан.

Тётенька посмотрела и говорит:

— Это не мой.

— Как — не ваш? — удивился Мишка.

— Мой был побольше, чёрный, а этот рыжий.

— Ну, тогда вашего у нас нет, — говорит Мишка. — Мы другого не находили. Вот когда найдём, тогда пожалуйста. Тётенька засмеялась и говорит:

— Вы неправильно делаете, ребята. Чемодан надо спрятать и никому не показывать, а если придут за ним, то вы сначала спросите, какой был чемодан и что в нём лежало. Если вам ответят правильно, тогда отдавайте чемодан. А так ведь вам кто-нибудь скажет: “Мой чемодан”, и заберёт, а это и не его вовсе. Всякие люди бывают!

— Верно! — говорит Мишка. — А мы и не сообразили! Тётенька ушла.

— Вот видишь, — говорит Мишка, — сразу подействовало! Не успели мы записки наклеить, а люди уже приходят. Ничего, может быть, и Дружок найдётся!

Мы спрятали чемодан под кровать, но в этот день к нам больше никто не пришёл. Зато на другой день у нас перебивало много народу. Мы с Мишкой даже удивлялись, как много людей теряют свои чемоданы и разные другие вещи. Один гражданин забыл чемодан в трамвае и тоже пришёл к нам, другой забыл в автобусе ящик с гвоздями, у третьего в прошлом году пропал сундук — все шли к нам, как будто у нас было бюро находок. С каждым днём приходило всё больше и больше народу.

— Удивляюсь! — говорил Мишка. — Приходят только те, у которых пропал чемодан или хотя бы сундук, а те, которые нашли чемодан, преспокойно сидят дома.

— А чего им беспокоиться? Кто потерял, тот ищет, а кто нашёл, чего ему ещё ходить?

— Могли бы хоть письмо написать, — говорит Мишка. — Мы бы сами пришли.

Один раз мы с Мишкой сидели дома. Вдруг кто-то постучал в дверь. Мишка побежал открывать. Оказалось, почтальон. Мишка радостный вбежал в комнату с письмом в руках.

— Может быть, это про нашего Дружка! — сказал он и стал разбирать на конверте адрес, который был написан неразборчивыми каракулями.

Весь конверт был усеян штемпелями и наклейками с надписями.

— Это не нам письмо, — сказал наконец Мишка. — Это маме. Какой-то шибко грамотный человек писал. В одном слове две ошибки сделал: вместо “Песчаная” улица написал “Печная”. Видно, письмо долго по городу ходило, пока куда надо дошло... Мама! — закричал Мишка. — Тебе письмо от какого-то грамотея!

— Что это за грамотей?

— А вот почитай письмо.

Мама разорвала конверт и стала читать вполголоса:

— “Милая мамочка! Разреши мне держать щеночка маленького. Он очень красивый, весь рыжий, а ухо чёрное, и я его очень люблю...” Что это? — говорит мама. — Это ведь ты писал!

Я засмеялся и посмотрел на Мишку. А он покраснел как варёный рак и убежал.

Мы с Мишкой потеряли надежду отыскать Дружка, но Мишка часто вспоминал о нём:

— Где он теперь? Какой у него хозяин? Может быть, он злой человек и обижает Дружка? А может быть, Дружок так и остался в чемодане и погиб там от голода? Пусть бы мне не вернули его, а только хоть бы сказали, что он живой и что ему хорошо!

Скоро каникулы кончились, и пришла пора идти в школу. Мы были рады, потому что очень любили учиться и уже соскучились по школе. В этот день мы встали рано-рано, оделись во всё новое и чистое. Я пошёл к Мишке, чтоб разбудить его, и встретился с ним на лестнице. Он как раз шёл ко мне, чтобы разбудить меня.

Мы думали, что в этом году с нами будет заниматься Вера Александровна, которая учила нас в прошлом году, но оказалось, что у нас теперь будет совсем новая учительница. Надежда Викторовна, так как Вера Александровна перешла в другую школу. Надежда Викторовна дала нам расписание уроков, сказала, какие учебники будут нужны, и стала вызывать нас всех по журналу, чтоб познакомиться с нами. А потом спросила:

— Ребята, вы учили в прошлом году стихотворение Пушкина “Зима”?

— Учили! — загудели все хором.

— Кто помнит это стихотворение? Все ребята молчали. Я шепчу Мишке:

— Ты ведь помнишь?

— Помню.

— Так поднимай руку! Мишка поднял руку.

— Ну, выходи на середину и читай, — сказала учительница.

Мишка подошёл к столу и начал читать с выражением:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

Он читал всё дальше и дальше, а учительница сначала смотрела на него пристально, потом наморщила лоб, будто вспоминала что-то, потом вдруг протянула к Мишке руку и говорит:

— Пстой, пстой! Я вспомнила: ты ведь тот мальчик, который ехал в поезде и всю дорогу читал стихи? Верно?

Мишка сконфузился и говорит:

— Верно.

— Ну, садись, а после уроков зайдёшь ко мне в учительскую.

— А стихи не надо кончать? — спросил Мишка.

— Не надо. Я и так вижу, что ты знаешь.

Мишка сел и принялся толкать меня под партой ногой:

— Это она! Та тётенька, которая с нами в поезде ехала. Ещё с нею была девчонка Леночка и дяденька, который сердился. Дядя Федя, помнишь?

— Помню, — говорю. — Я её тоже узнал, как только ты стихи стал читать.

— Ну, что теперь будет? — беспокоился Мишка. — Зачем она меня в учительскую вызвала? Наверно, достанется нам за то, что мы тогда шумели в поезде!

Мы с Мишкой так волновались, что не заметили даже, как занятия кончились. Последними вышли из класса, и Мишка пошёл в учительскую. Я остался ждать его в коридоре. Наконец он оттуда вышел.

— Ну, что тебе учительница сказала? — спрашиваю я.

— Оказывается, мы её чемодан взяли, то есть не её, а того дяденьки. Но это всё равно. Она спросила, не взяли ли мы по ошибке чужой чемодан. Я сказал, что взяли. Она стала расспрашивать, что в этом чемодане было, и узнала, что это их чемодан. Она велела сегодня же принести ей чемодан и дала адрес.

Мишка показал мне бумажку, на которой был записан адрес. Мы поскорей пошли домой, взяли чемодан и отправились по адресу.

Нам открыла дверь Леночка, которую мы видели в поезде.

— Вам кого? — спросила она.

А мы забыли, как звать учительницу.

— Пстойте, — говорит Мишка. — Вот тут на бумажке записано... Надежду Викторовну. Леночка говорит:

— Вы, наверно, чемодан принесли?

— Принесли.

— Ну, заходите.

Она привела нас в комнату и закричала:

— Тётя Надя! Дядя Федя! Мальчики чемодан принесли! Надежда Викторовна и дядя Федя вошли в комнату. Дядя

Федя открыл чемодан, увидел свои очки и сразу надел их на нос.

— Вот они, мои любимые старые очки! — обрадовался он. — Как хорошо, что они нашлись! А то я к новым очкам никак не могу привыкнуть.

Мишка говорит:

— Мы ничего не трогали. Всё ждали, когда хозяин отыщется. Мы даже везде объявления наклеили, что нашли чемодан.

— Ну вот! — сказал дядя Федя. — А я никогда не читаю объявлений на стенах. Ну ничего, в следующий раз буду умнее — всегда буду читать.

Леночка куда-то ушла, а потом вернулась в комнату, а за ней бежал щенок. Он был весь рыжий, только одно ухо у него было чёрное.

— Смотри! — прошептал Мишка. Щенок насторожился, приподнял своё ухо и поглядел на нас.

— Дружок! — закричали мы.

Дружок завизжал от радости, кинулся к нам, принялся прыгать и лаять. Мишка схватил его на руки:

— Дружок! Верный мой пёс! Значит, ты не забыл нас? Дружок лизал ему щёки, а Мишка целовал его прямо в морду. Леночка смеялась, хлопала в ладоши и кричала:

— Мы его в чемодане с поезда принесли! Мы по ошибке ваш чемодан взяли. Это всё дядечка Федечка виноват!

— Да, — сказал дядя Федя, — это моя вина. Я первый взял ваш чемодан, а потом уж вы мой взяли.

Они отдали нам чемодан, в котором Дружок ехал в поезде. Леночка, видно, очень не хотела расставаться с Дружком. На глазах у неё даже слезы были. Мишка сказал, что на следующий год у Дианки снова будут щенки, тогда мы выберем самого красивого и привезём ей.

— Обязательно привезите, — сказала Леночка.

Мы попрощались и вышли на улицу. Дружок сидел на руках у Мишки, вертел во все стороны головой, и глаза у него были такие, будто он всему удивлялся. Наверно, Леночка всё время держала его дома и ничего ему не показывала.

Когда мы подошли к дому, у нас на крыльце сидели две тётки и дядька. Они, оказывается, нас ждали.

— Вы, наверно, за чемоданом пришли? — спросили мы их.

— Да, — сказали они. — Это вы те ребята, которые чемодан нашли?

— Да, это мы, — говорим мы. — Только никакого чемодана у нас теперь нет. Уже нашёлся хозяин, и мы отдали.

— Так вы бы снимали свои записки, а то только людей смущаете. Приходится из-за вас даром время терять!

Они поворчали и разошлись. А мы с Мишкой в тот же день обошли все места, где наклеили записки, и ободрали их.